

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Давтянц И.И. Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в свете проявления национального коммуникативного стиля (на материале СМИ Мексики и США) // Филология: научные исследования. 2024. № 5. С. 22-33. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.5.70830 EDN: WGLMEM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70830

Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в свете проявления национального коммуникативного стиля (на материале СМИ Мексики и США)

Давтянц Ирина Игоревна

ORCID: 0000-0003-3877-1612

старший преподаватель; кафедра иbero-американских исследований в области языка, перевода и межкультурной коммуникации; Южный федеральный университет

344037, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, оф. 310

✉ 4283953@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2024.5.70830

EDN:

WGLMEM

Дата направления статьи в редакцию:

21-05-2024

Дата публикации:

28-05-2024

Аннотация: Предметом представленного исследования являются лексические прагматические маркеры конфликтогенности (ЛПМК), которые не просто выступают в роли речевых сигналов враждебности, но служат маркерами социальной напряженности в данном культурном сообществе. Цель исследования заключается в выявлении связи между плотностью лексических прагматических маркеров конфликтогенности в тексте, индексом его конфликтогенной напряженности и национальным коммуникативным стилем в официальных СМИ Мексики и США. Материалом для исследования послужили газетные статьи за 2021-2024 год, опубликованные в американских (CNN, The Fox News, The New

York Times, The New York Post, Los Angeles Times – 100 статей) и мексиканских (La Jornada, La Opinion, Excélsior, El Universal, El Milenio – 100 статей) онлайн изданиях, посвященные общей проблеме Мексики и США, а именно, миграционному кризису. Методом сплошной выборки были отобраны лексические прагматические маркеры конфликтогенности, характерные для мексиканского и американского медиадискурса соответственно. При анализе отобранного фактологического материала применялись следующие методы исследования: контекстуальный, лексико-семантический, количественный, а также метод коммуникативного анализа, учитывающий дискурсивную составляющую исследуемого социального феномена. Впервые установлена зависимость между индексом конфликтной напряженности текста, плотностью используемых лингвоконфликтогенов и особенностями лингвокультуры этноса. В результате проведенного исследования был определен значительно более низкий индекс конфликтной напряженности мексиканской прессы по сравнению с американской, меньшая плотность ЛПМК и по сути отсутствие среди них лексических единиц с ярко выраженной негативной семантикой. Авторами мексиканских онлайн изданий реже используются такие стилистические средства «нагнетания ситуации», как гиперболизация, столь характерные для американской прессы. Практически не задействуются метафоры. Важно отметить, что в то время, как в американском медиадискурсе доминирует крайне негативный образ мигранта преступника и террориста, в мексиканских СМИ представлено два, отличающихся друг от друга типа мигрантов: богатый высокомерный белокожий чужак, несущий с собой проблемы и брат латиноамериканец, который нуждается в помощи и защите. В качестве перспектив исследования можно выделить сравнение индекса конфликтной напряженности пользовательского контента данных стран и составление типологии используемых ЛПМК.

Ключевые слова:

лексические прагматические маркеры, лингвоконфликтогены, индекс конфликтной напряженности, плотность лингвоконфликтогенов, миграционный кризис, оппозиция свой-чужой, международная миграция, мигрант, медиа-дискурс, национальный коммуникативный стиль

Среди социальных явлений современного общества, привлекающих к себе пристальное внимание исследователей из разных областей науки, важное место занимает его конфликтогенность. Неравные условия существования, несоразмерное распределение материальных благ, неудовлетворение основных потребностей человека, межличностные конфликты, обусловленные разнообразными психологическими факторами, и множество других причин, которые могут послужить поводом для возникновения и развития конфликта, определили наличие разнообразных подходов не только к изучению конфликтогенности социума как социально-экономического явления (П.Е. Перов, М.Б. Перова [14], Ю.Г. Грязнова [3], Д. Смит [28], М. Вивьеरка [30], Дж.Х. Нарваэс [26]), но и конфликтности отдельной личности, для которой важен сам процесс развития конфликта и выпуск негативных эмоций (М.С. Мириманова [12], Н.И. Леонов [10], В.И. Мищенко [13]), а также конфликтогенности как потенциального свойства вербальной коммуникации (О.В. Крамкова [9], В.С. Третьякова [17], Н.А. Белоус [2]).

Большую роль в процессе конфликтогенной коммуникации, т.е. коммуникации, которая может привести к конфликту или происходит на фоне существующего конфликта, играют языковые средства, используемые коммуникантами. Данная проблематика сейчас

особенно актуальна и вызывает интерес у отечественных и зарубежных ученых, так как мы живем в информационном обществе, где неосторожно или намеренно сказанное слово может стать причиной широкомасштабного конфликта. Примечательно, что ряд научных исследований в этом направлении посвящен анализу разноуровневых языковых средств, используемых при создании образа «Чужого» в СМИ и их воздействию на аудиторию (У. Липпман [11], Т.А. ван Дейк [21], С. Холл [24], Ал-Хафиж [20]). Так, лингвист К.М. Лёрка отмечает, что в испанской прессе при описании иммигрантов вместо нейтральной лексики используются слова, имеющие негативные коннотации, тем самым закладывая их связь с социальными проблемами [25, с. 360].

Среди ключевых понятий конфликтогенной коммуникации можно выделить **конфликтогенность текста / дискурса**, которые довольно часто используются синонимично, однако в случае употребления второго акцент делается на экстралингвистических факторах коммуникации, таких как контекст и коммуникативная ситуация. Согласно мнению И.В. Тубаловой и Ю.А. Эмер, конфликтный текст представляет собой речевое выражение конфликта [18, с. 30]. Н.А. Белоус и Н.В. Осколкова отмечают, что в результате подобного намеренного вербального и паравербального воздействия друг на друга участники коммуникации испытывают отрицательные эмоции [2]. А В.С. Третьякова подчеркивает, что «...материальное выражение конфликтных отношений субъектов речи в акте коммуникации в виде конкретных языковых и речевых структур является отражением их докоммуникативного состояния (интересов, позиций, взглядов, ценностей, установок, целей и т. п.)» [17, с. 145].

Одной из разновидностей конфликтогенного текста является, так называемый, язык **вражды**, который чаще всего рассматривается в контексте онлайн общения и связан с враждебным отношением и агрессивными оскорбительными высказываниями по отношению к различным социальным группам и их представителям. Л.Р. Комалова отмечает близость данного понятия с такими терминами, как кибербуллинг и кибертроллинг [7, с. 94-95].

А.П. Костяев в свою очередь, предлагает термин агрессивный верbalный дискурс в качестве выражения, синонимичного по значению конфликтогенному дискурсу. Данный вид дискурса, согласно мнению автора, характеризуется агрессивными дискурсивными практиками [8].

Подчеркивая языковое выражение конфликта, современные исследователи нередко используют термин **лингвоконфликтогенность текста**, которая служит обозначением тех затруднений в процессе обмена информацией, которые вызваны отсутствием стратегии взаимодействия и характеризуются проявлением вербальной агрессии [15, с. 67]. В свою очередь, используемые для провоцирования или развития конфликта вербальные средства называются **лингвоконфликтогенами**. К ним относят негативизмы, инвективную лексику, метафору, иронию, пейоративные суффиксы, императивы, нарушение норм речевого этикета и т.п. Важно отметить, что выбор языковых средств в данном случае обусловлен желанием добиться полной дискредитации оппонента путем его оскорблений, высмеивания и т.п. Многими исследователями (В.С. Третьяковой [17], З.В. Режук, О.В. Ширяевой-Ширинг [16]) отмечается тот факт, что лексические средства являются наиболее распространенными и широко используемыми, так как позволяют передать те оттенки значения, которые невозможно передать, используя лишь морфологические,

синтаксические и, в случае с онлайн коммуникацией, графические средства.

В данном контексте представляют интерес и такие единицы, имеющие непосредственную связь с конфликтогенностью текста, как лексические прагматические маркеры конфликтогенности, которые не просто выступают в роли речевых сигналов враждебности, но служат маркерами социальной напряженности в данном культурном сообществе. Характерной чертой подобных ЛПМК является регулярная повторяемость определенных сем, получающих разное формальное выражение в конфликтогенном дискурсе той или иной группы людей (этноса). ЛПМК позволяют выявить наиболее острые социальные проблемы и культурные особенности конкретного социума.

Таким образом, выбор лексических единиц в рамках стратегии конфронтации, их плотность и индекс конфликтогенности (представляющий собой зависимость между нормой и плотностью ЛПМК) определяются как личными предпочтениями коммуникантов, так и в значительной степени национальной моделью поведения, которая получила название национального коммуникативного стиля и представляет собой исторически сложившуюся «совокупность национально-коммуникативных средств, представлений и норм, детерминируемых культурой и существующих в коммуникативном сознании носителей языка» [6, с. 4]. При этом представления о вежливом поведении и об особенностях выражения речевой агрессии, согласно мнению У.Д. Шо-Лотген и Дж.М. Эрнандес-Кампой, также являются его компонентами [27, с. 379].

Целью настоящего исследования является выявление связи между плотностью лингвоконфликтогенов в тексте, индексом его конфликтогенной напряженности и национальным коммуникативным стилем в официальных СМИ Мексики и США. Данные лингвокультуры были выбраны не случайно. Согласно классификации Э. Холла, оказавшему значительное влияние на становление межкультурной коммуникации как науки, они относятся по многим параметрам к противоположным группам, что позволяет говорить об их значительных культурных отличиях [22, 23]. Данный тезис подтверждается многочисленными исследованиями. Так, если мексиканский национальный дискурс характеризуется высокой степенью учтивости, при которой необходимость вести себя вежливо становится важнее испытываемых отрицательных эмоций и желания проявить их (О.С. Чеснокова [19], И.В. Гусева [5], И.Р. Абкадырова [11], Ф. Варона, М. Перес, П. Ватерико-Мехиа [29]), то для американской лингвокультуры характерна большая свобода самовыражения. Как отмечает О.А. Гудина, «в результате представители США могут оцениваться партнерами как слишком напористые, агрессивные, грубые, а их стремление к неформальному общению порой интерпретируется как фамильярность» [4].

Миграционный кризис на границе двух стран с разным экономическим развитием связан с большим потоком мигрантов из Латинской Америки, которые пытаются попасть в США через Мексику нелегальным путем. Согласно газете The Fox News, за время нахождения Дж. Байдена в качестве главы правительства США к февралю 2024 года в страну нелегальным путем попало 7,3 миллиона мигрантов, что превышает население 36 штатов. А если к этой цифре добавить тех, кто не был учтен официально, так как не был пойман (так называемые, «gotaways), то она станет больше населения Нью-Йорка, крупнейшего города США на настоящий момент [<https://www.foxnews.com/politics/illegal-immigrants-biden-admin-amount-greater-population-36-states>]. Не вызывает удивления тот факт, что именно позиция в отношении этого вопроса легла в основу предвыборных обещаний кандидатов на пост президента в выборах 2024: Дж. Байдена и Д. Трампа, которые являются лидерами демократической и республиканской партий соответственно.

Анализ фактологического материала позволяет выделить концентрацию лингвоконфликтогенов при описании определенных тем, что говорит об их конфликтогенности. Важно отметить, что эти темы разнятся в мексиканском и американском медиадискурсе, что подтверждает тезис о национальной обусловленности ЛПМК.

Обратимся к американской прессе. Наибольший интерес для данного исследования представляет антимиграционный дискурс новостного ресурса The Fox News, так как из-за своей крайней политизированности в поддержку Республиканской партии, именно в этом издании используется значительное количество ЛПМК для характеристики образа «Чужого» - нелегального мигранта, что, как отмечают многие исследователи, играет решающую роль в формировании идеологического базиса отношения к нему (Т.А. ван Дейк [21], С. Холл [24], Ал-Хафиж [20], К.М Лёрка [25]). Неслучайно демократы называют выступления республиканцев «*invasion rhetoric and fearmongering*» (пылкие речи о вторжении и создание паники – здесь и далее перевод наш) и «*hyperbolic and xenophobic rhetoric to scaremonger about a 'foreign invasion' at the border*» (преувеличения и ксенофобские выступления с целью создать панику об интервенции на границе) [<https://www.foxnews.com/politics/illegal-immigrants-from-this-foreign-adversary-hit-new-high-amid-national-security-fears-extremely-alarming>], тем самым подчеркивая, что подобное намеренное использование языковых средств языка вражды ведет к разжиганию межнациональных конфликтов. И если в газетах, поддерживающих демократов, например, в CNN, мигранты представлены как несчастные люди, испытывающие различные лишения, то в про-республиканских изданиях это те, кто представляет собой угрозу национальной безопасности, которую спровоцировал Дж. Байден, так как он с первого дня своего правления «*systematically dismantled effective border security measures and interior immigration enforcement*» [<https://www.foxnews.com/politics/biden-failed-dems-sound-off-handling-border-crisis-fractures-own-party>].

Как правило, в статьях подобных американских онлайн изданий при создании образа мигранта используется сразу ряд ЛПМК, обладающих высокой образностью, экспрессией и негативной оценкой: это и многочисленные негативизмы, и яркие метафоры с негативными ассоциациями, и контекстуальные ЛПМК, приобретающие негативные коннотации в контексте. При этом в прессе не используется обсценная и сниженная лексика, что объясняется нормами цензуры. Интересно отметить отсутствие обращения к администрации Мексики для оказания помощи в решении кризиса на границе.

Для иллюстрации наполнения лексико-семантического поля «мигрант» в американском медиа дискурсе обратимся к наиболее частотным ЛПМК, часто выступающим в роли языковых клише:

ЛПМК-определения, используемые для характеристики проблемы миграции: *very serious problem; broken immigration system; overwhelming; chaotic border; human disaster; critical threat; our border is wide-open; terror watchlist nationalities; extremely alarming*.

ЛПМК-определения, используемые характеристики и обозначения мигрантов: *undocumented aliens; illegal immigrants; illegal aliens; criminal migrants; noncitizen offenders; migrants with links to terrorism into America; individuals who present a security risk and have no legal basis to remain here*.

ЛПМК-действия, используемые для описания действий мигрантов: *to crush the city; to destroy the city; to ruin the city; to rush a border; take advantage of the American people*.

ЛПМК-существительные и словосочетания, связанные с деятельностью мигрантов:

- a) Количество прибывших: influx of new arrivals; record number of border crossings;
- b) Дополнительная нагрузка на налогоплательщиков: the additional costs to taxpayers; at the expense of the American taxpayer;
- c) Угроза национальной безопасности, терроризм: risk of terrorism and national security; risk to national security; serious threat to public safety; national security fears;
- d) Рост уровня преступности: potential for espionage; increased crime rates, drugs and violence; flow of deadly fentanyl; illegal alien crime; smuggling of drugs like fentanyl; murders; rapists; violent crime; kidnapping; human trafficking.

Рассмотрим некоторые метафоры, которые выступают в роли ЛПМК в силу своей связи с конфликтогенными темами данного этнического сообщества:

«The contributions of the immigrant community here have been **seismic**» [<https://www.nytimes.com/2023/09/07/nyregion/adams-migrants-destroy-nyc.html>]

В данном высказывании отмечается, что последствия проживания большого количества иммигрантов в Нью-Йорке столь серьезны, что подобны последствиям от землетрясения.

В следующем фрагменте, наплыв иммигрантов представлен как вторжение в США, а граница между Мексикой и США, как первая линия защиты: «if our border is our first line of defense, we're going to lose and this is unsustainable» [<https://www.foxnews.com/media/la-joya-texas-police-border-crisis-overwhelming>]. Данный образ становится еще более экспрессивным в следующем отрывке, демонстрирующем также высокую плотность ЛПМК:

«...president's other **mega-catastrophe**: Biden has transformed Trump's largely controlled southern frontier into an **immigration superhighway**... **Illegal aliens** are **racing through gaps in the wall** whose construction Biden ordered stopped on Day One of his tenure. **Things have rocketed downhill since**» [<https://www.foxnews.com/opinion/biden-afghanistan-border-deroy-murdock>].

Как мы видим, авторы публикаций подчеркивают, что нелегальные иммигранты (чужаки), не встречая никакого препятствия на своем пути, на полной скорости проникают в Америку через недостроенную стену на границе. При этом ситуация все ухудшается. Для усиления прагматического воздействия катастрофические последствия действий Дж. Байдена противопоставляются четкой и надежной системе охраны границы, которая была при Д. Трампе.

Следует отметить и наличие ряда нейтральных лексических единиц, которые превращаются в ЛПМК в этно-культурном контексте. Так, слова мэра Нью-Йорка о том, что иммигранты являются **отличными пловцами** (excellent swimmers) и поэтому могут работать спасателями, которых очень не хватает в США, породили настоящий резонанс в обществе и были сочтены многими расистскими и провоцирующими рост социального напряжения в обществе [<https://www.nytimes.com/2024/05/15/nyregion/eric-adams-migrants-swimmers.html>], так как одним из путей нелегального проникновения в США является пересечение реки Рио-Гранде вплавь, что несет угрозу для жизни.

В целом, в американском медиапространстве представлен отрицательный образ мигранта: это люди, так или иначе несущие угрозу для благополучия США. Среди ЛПМК

формирующих ЛСП данного понятия представлены лексические единицы, семантически связанные с темами угрозы национальной безопасности, угрозы финансового благополучия общества и угрозы ухудшения криминальной обстановки. Отмечается высокая плотность лингвоконфликтогенов, а также использование различных стилистических приемов, например, гиперболизации и метафор, для большей экспрессивности. Тот факт, что издания, послужившие источником материала, относятся к официальной прессе, позволяет утверждать, что довольно высокий индекс конфликтогенной напряженности текста в контексте проблематики «свой – чужой» не только не выходит за рамки норм национального коммуникативного стиля США, но и характерен для него.

С кризисом, вызванным большим потоком иммигрантов, столкнулись не только США, но и Мексика. Однако ситуация в данном случае значительно отличается. Если большинство беженцев, стремящихся попасть в США любой ценой, являются менее обеспеченными, чем граждане США, то в Мексику приезжают и остаются в ней жить американцы, чья платежеспособность значительно выше, чем у самих мексиканцев. Таким образом, в мексиканской лингвокультуре формируется иной образ «Чужого». Важно отметить, что мексиканская официальная пресса менее политизирована и более однородна. Обратимся к наиболее частотным ЛПМК:

1. Ситуация на границе и характеристика действий правительства США:

ЛПМК-определения, используемые для характеристики ситуации на границе: «*falla sistemica agravada que ignora los derechos y el bienestar de las personas refugiadas y migrantes*» [<https://www.excelsior.com.mx/global/muere-nina-migrante-de-guatemala-bajo-custodia-de-eu/1597232>]; *muchas tensiones*.

ЛПМК-определения, характеризующие действия США как страны: *discriminatorio*.

ЛПМК-действия, используемые для оценки поступков правительства США: *ingresar armas, poner en manos de la delincuencia Mexicana, chantajear*.

ЛПМК-существительные и словосочетания, используемые для характеристики правительства США: *indolencia; arrogancia; aires de superioridad; ofensiva contra la inmigración ilegal; ataque*.

2. Граждане США, проживающие в Мексике:

ЛПМК-определения, используемые для характеристики и обозначения мигрантов из США, прибывающих в Мексику: *nuevos turistas con poder adquisitivo mayor*.

ЛПМК-действия, используемые для описания действий мигрантов из США в Мексике: *inundar*.

ЛПМК-существительные и словосочетания, связанные с проживанием мигрантов из США в Мексике: *intervención; colonia estadounidense, precios increíbles, imperialism, "nómadas digitales", gentrificación, avalanche*.

Как видно из приведенных ЛПМК, их в Мексиканской прессе представлено значительно меньше, чем в американской, что объясняется такими особенностями национального стиля, как высокая степень учтивости и проявление уважения к партнеру. Также довольно проблематично иногда выделить отдельное слово в качестве ЛПМК, так как мексиканской лингвокультуре свойственно иносказание и описательность речи. Ф. Варона отмечает, что мексиканцам свойственно избегать конфликтов с «вышестоящими»,

к которым они относят, например, и граждан США [Varona 2007: 189]. Возможно именно этим желанием сохранить лицо партнера объясняется и преобладание существительных, характеризующих правительство США и граждан США, над прилагательными, так как данный прием предполагает косвенную, а не прямую характеристику (некое дистанцирование).

В Мексиканской прессе так же, как и в СМИ США, отмечается некоторая концентрация лингвоконфликтогенов при затрагивании определенных тем. Там, для мексиканцев это рост цен, вызванный приездом большого количества иностранцев, которые могут себе позволить несомненно больше, чем сами мексиканцы. Многие мексиканцы вынуждены покидать свои дома и переселяться на окраины, так как их дома теперь снимают граждане США. Данный процесс получил название джентрификации и широко обсуждается в мексиканских СМИ.

Большой поток иностранцев тоже сравнивается со стихийным бедствием: иммигранты прибывают так стремительно, что это напоминает снежную лавину или потоп.

Важную роль в формировании ЛПМК в мексиканской лингвокультуре играет колониальное прошлое Мексики и неоднократные интервенции США, одна из которых закончилась тем, что Мексика потеряла почти половину своих территорий. Тот факт, что приезжие не хотят учить испанский язык и ведут себя как хозяева, вызывает у местного населения определенные страхи и служит причиной появления ЛПМК, связанных тематически с империализмом и колониальным захватом. По этой же причине некоторые нейтральные лексические единицы приобретают негативные коннотации, например, обозначение английского языка: *el inglés*. Ср.:

«Y **el inglés**, bueno, está en todas partes: suena en los supermercados, en los bares de vinos y en las clases de fitness en el parque» [<https://www.latimes.com/espanol/mexico/articulo/2022-07-27/los-turistas-estadounidenses-y-los-trabajadores-a-distancia-estan-aburguesando>].

Интересно отметить, что для того, чтобы подчеркнуть то, что мексиканцы не одобряют антимиграционной политики США, для описания беженцев из стран Латинской Америки используются следующие лексические единицы:

«El presidente de Estados Unidos Joe Biden y congresistas de su país están considerando aprobar “nuevas y estrictas medidas migratorias que **contravendrían** estándares internacionales” de **derechos humanos y expondrían a miles de migrantes y solicitantes de asilo a situaciones peligrosas...** miles de migrantes y **solicitantes de asilo vulnerables**, en su mayoría latinoamericanos» [<https://www.jornada.com.mx/noticia/2024/01/19/politica/eu-considera-aprobar-estrictas-medidas-antimigratorias-alerta-hrw-8934>].

Таким образом, правительство США намеренно подвергает опасности жизни тысячи людей, которые ищут убежище.

Результаты анализа мексиканских онлайн изданий позволяют утверждать, что в мексиканской лингвокультуре есть два образа мигранта. Один из них является высокомерным обеспеченным чужаком с белой кожей, который говорит на английском языке и требует к себе особого отношения, другой же – брат латиноамериканец с такими же проблемами и ценностями, как и у мексиканцев.

В итоге можно отметить, что индекс конфликтогенной напряженности мексиканской

прессы значительно ниже, чем у американской: не используются слова с ярко выраженной негативной семантикой, почти нет метафор, которые должны придать большую экспрессию словам автора, практически отсутствует гипербализация, столь характерная для американского медиадискурса. Во многом данная ситуация объясняется национальным коммуникативным стилем, который оказывает несомненное влияние на допустимость использования лингвоконфликтогенов в официальной прессе.

Библиография

1. Абкадырова И. Р. Слова-реалии и их роль в процессе актуализации и моделирования мексиканского национального коммуникативного стиля (на материале современной прозы): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.00. Воронеж. 2017.
2. Белоус Н. А., Осколкова Н. В. Конфликтный дискурс vs конфликтный текст // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. № 4-2. С. 96-107.
3. Грязнова Ю. Г. Конфликтогенность межпоколенного взаимодействия в культуре современного российского общества // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 42-47.
4. Гудина О. А. Особенности американской деловой коммуникации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 8. С. 196-199.
5. Гусева И. В. Национально-обусловленная лексика как культурообразующий фактор формирования мексиканской языковой личности: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М. 2013.
6. Иванова Е. В. Архетипический концепт в языке и тексте // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 6. С. 181-190.
7. Комалова Л. Р. Язык вражды в публичном дискурсе Интернета // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. 2021. № 2. С. 92-118.
8. Костяев А. П. Дискурсивные маркеры вербальной агрессии в профессиональной коммуникации // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2010. № 2(19). Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>
9. Крамкова О. В. Языковые и прагматические факторы конфликтогенности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 332-335.
10. Леонов Н. И. Конфликтология: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского психолого-социального института. 2006.
11. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2004.
12. Мириманова М. С. Конфликтология. М.: Издательский центр «Академия». 2004.
13. Мищенко В. И. Конфликтогенность личности как предмет психологического исследования // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2020. № 1. С. 89-93.
14. Перов Е. В. Перова М. Б. Концепция конфликтогенности общества // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 12(72). С. 43.
15. Путина О. Н. Лингвоконфликтогенность как параметр национального стиля вербальной коммуникации (на примере дискурсивных маркеров) // Миграционная лингвистика. 2020. № 2. С. 70-78.
16. Режук З. В. Ширяева-Ширинг О. В. К вопросу о конфликтогенном потенциале жаргонной лексики в современном медиадискурсе // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 1.
17. Третьякова В. С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы //

- Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1(292). С. 279-282.
18. Тубалова И. В. Эмер Ю. А. Конфликтный текст в устной и виртуальной повседневной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 30-35.
19. Чеснокова О. С. Отражение языковой картины мира в развитии лексической системы мексиканского национального варианта испанского языка: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М., 2006.
20. Al-Hafizh M. Faruk F. Juliasih J. Modern racism: binary opposition of black and white in the novels of Jacqueline Woodson // Lingua Didaktika: Jurnal Bahasa Dan Pembelajaran Bahasa. 2016. №10 (1).
21. Dijk T. A. van. Discourse and Racism. Discourse & Society. 1999. Режим доступа: https://www.academia.edu/19984991/Discourse_and_Racism
22. Hall E. Beyond Culture. 1976. Режим доступа: https://monoskop.org/images/6/60/Hall_Edward_T_Beyond_Culture.pdf
23. Hall E. The Hidden Dimension. 1960. Режим доступа: https://www.academia.edu/5668023/Edward_T._Hall_-_The_Hidden_Dimension
24. Hall S. Critcher Ch. Jefferson T., Clarke J., Roberts B. Policing the Crisis: Mugging, the State, and Law and Order (Critical Social Studies). Palgrave. 1978.
25. Llorca C. M. El discurso que construye al "Otro": prensa e interculturidad en la España actual // "Problemas actuales de la Filología en el espacio Hispano-Ruso del Conocimiento": actas oficiales de la Conferencia Científico-Práctica Internacional 22-24 septiembre de 2011. Cádiz: Universidad de Cádiz. 2014. Pp. 353-362.
26. Narváez J. H. Vicinity violence, social tension as humanitarian crisis // Revista Tesis Psicológica. 2013. №8 (1).
27. Scheu-Lottgen U. D. Hernandez-Campoy J. M. An analysis of sociocultural miscommunication: English, Spanish and German // International Journal of Intercultural Relations. 1998. 22 (4). Pp. 375-394.
28. Smith J. Reputation, social identity and social conflict, Working papers. Department of Economics. Rutgers. The State University of New Jersey. 2007. №09.
29. Varona F. Vaahterikko-Mejia P., Perez M. Diferencias en el estilo de comunicación entre empleados finlandeses y mexicanos cuando se comunican con sus jefes: un estudio comparativo // Organicom. June 2007.
30. Wieviorka M. Social conflict // Current Sociology Review. 2013.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Исследуемый в рамках данной статьи аспект достаточно интересен и актуален. Формальный ценз оценки падет на лексические и прагматические маркеры конфликтогенности в свете проявления национального коммуникативного стиля. Предметная область соотносится с одной из рубрик издания, следовательно, материал как вариант совпадает с должной парадигмой научного изыскания. Разверстка вопроса осуществлена на материале средств массовой информации Мексики и США. Думаю, что серьезных разнотечений и в этой составляющей работы нет. Суждения походу научной нарратии продуманы, верифицированы, соотношение с научным стилем речи налицо: например, «среди социальных явлений современного общества, привлекающих к себе пристальное внимание исследователей из разных областей науки, важное место занимает его конфликтогенность. Неравные условия существования, несоразмерное

распределение материальных благ, неудовлетворение основных потребностей человека, межличностные конфликты, обусловленные разнообразными психологическими факторами, и множество других причин, которые могут послужить поводом для возникновения и развития конфликта, определили наличие разнообразных подходов не только к изучению конфликтогенности социума как социально-экономического явления (П.Е. Перов, М.Б. Перова, Ю.Г. Грязнова, Д. Смит, М. Вивьеरка, Дж.Х. Нарваэс), но и конфликтности отдельной личности, для которой важен сам процесс развития конфликта и выплеск негативных эмоций (М.С. Мириманова, Н.И. Леонов, В.И. Мищенко...», или «одной из разновидностей конфликтогенного текста является, так называемый, язык вражды, который чаще всего рассматривается в контексте онлайн общения и связан с враждебным отношением и агрессивными оскорбительными высказываниями по отношению к различным социальным группам и их представителям. Л.Р. Комалова отмечает близость данного понятия с такими терминами, как кибербуллинг и кибертроллинг...» и т.д. Тексту присущ реферативный характер систематизации данных, но это не должно быть догматом, исключающим текст из возможной позиции открытой публикации. Изложение материала все же выверено, он не искажено, субъективный фактор работает. Автор старается вступить в конструктивный диалог с оппонентами, дать оценку «уже сказанному»: например, «А.П. Костяев в свою очередь, предлагает термин агрессивный верbalный дискурс в качестве выражения, синонимичного по значению конфликтогенному дискурсу. Данный вид дискурса, согласно мнению автора, характеризуется агрессивными дискурсивными практиками...». Статистика данных выверена, открытость иллюстративного фона стоит оценить как положительный момент: «миграционный кризис на границе двух стран с разным экономическим развитием связан с большим потоком мигрантов из Латинской Америки, которые пытаются попасть в США через Мексику нелегальным путем. Согласно газете The Fox News, за время нахождения Дж. Байдена в качестве главы правительства США к февралю 2024 года в страну нелегальным путем попало 7,3 миллиона мигрантов, что превышает население 36 штатов. А если к этой цифре добавить тех, кто не был учтен официально, так как не был пойман (так называемые, «*gotaways*»), то она станет больше населения Нью-Йорка, крупнейшего города США на настоящий момент [<https://www.foxnews.com/politics/illegal-immigrants-biden-admin-amount-greater-population-36-states>]. Не вызывает удивления тот факт, что именно позиция в отношении этого вопроса легла в основу предвыборных обещаний кандидатов на пост президента в выборах 2024: Дж. Байдена и Д. Трампа, которые являются лидерами демократической и республиканской партий соответственно...». Считаю, что работа содержательна, информативна, целостна; основные требования издания учтены, серьезных противоречий и фактических ошибок не выявлено. Иллюстративный фон вводится параметрически, он в принципе достаточен: «Для иллюстрации наполнения лексико-семантического поля «мигрант» в американском медиа дискурсе обратимся к наиболее частотным ЛПМК, часто выступающим в роли языковых клише: ЛПМК-определения, используемые для характеристики проблемы миграции: *very serious problem*; *broken immigration system*; *overwhelming*; *chaotic border*; *human disaster*; *critical threat*; *our border is wide-open*; *terror watchlist nationalities*; *extremely alarming*», или «Следует отметить и наличие ряда нейтральных лексических единиц, которые превращаются в ЛПМК в этно-культурном контексте. Так, слова мэра Нью-Йорка о том, что иммигранты являются отличными пловцами (*excellent swimmers*) и поэтому могут работать спасателями, которых очень не хватает в США, породили настоящий резонанс в обществе и были сочтены многими расистскими и провоцирующими рост социального напряжения в обществе [<https://www.nytimes.com/2024/05/15/nyregion/eric-adams-migrants-swimmers.html>], так как одним из путей нелегального проникновения в США является пересечение реки Рио-

Гранде в плавь, что несет угрозу для жизни» и т.д. Наличного объема достаточно для раскрытия темы, достижения итоговой цели. Методы анализа языкового материала современны. В итоговой части автор отмечает, что «индекс конфликтогенной напряженности мексиканской прессы значительно ниже, чем у американской: не используются слова с ярко выраженной негативной семантикой, почти нет метафор, которые должны придать большую экспрессию словам автора, практически отсутствует гипербализация, столь характерная для американского медиадискурса. Во многом данная ситуация объясняется национальным коммуникативным стилем, который оказывает несомненное влияние на допустимость использования лингвоконфликтогенов в официальной прессе». Список источников полновесен, оформление не требует серьезной правки. Рекомендую рецензируемую статью «Лексические прагматические маркеры конфликтогенности в свете проявления национального коммуникативного стиля (на материале СМИ Мексики и США)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».